

Научная статья

УДК 327.8

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики

Ю. В. Синчук¹, Б. Е. Власов², А. Е. Огурцов³

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sinhukjv@mail.ru

^{2,3}Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия
²b.e.vlasov@mail.ru

³a.ogurtsov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история развития цифровой дипломатии как инструмент внешней политики. Раскрывается термин «цифровая дипломатия», изучается история данного феномена и его применения в современности. Основное внимание уделяется методам цифровой дипломатии внешнеполитическими ведомствами государств. Рассматриваются примеры реализации деятельности через цифровую дипломатию МИД РФ; обозначаются проблемы и перспективы развития цифровой дипломатии и способы ее воздействия на современную политику.

Ключевые слова: Россия, США, цифровая дипломатия, методы цифровой дипломатии, внешняя политика, социальные сети, МИД РФ

Для цитирования: Синчук Ю. В., Власов Б. Е., Огурцов А. Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 52–61. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

Original article

Digital Diplomacy as a Tool of Foreign Policy

Yuri. V. Sinchuk¹, Boris E. Vlasov², Alexander E. Ogurtsov³

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sinhukjv@mail.ru

^{2,3}Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
²b.e.vlasov@mail.ru

³a.ogurtsov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the history of the development of digital diplomacy as a tool of foreign policy. The definition of the term «digital diplomacy» is given, the history of the development of this phenomenon and its application in the current world order are studied. The main focus is on the use of methods of digital diplomacy by foreign ministries. Examples of the implementation of activities through digital diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation are considered; the current problems and prospects for the development of the department's activities in the digital space of foreign policy are outlined.

Keywords: Russia, USA, methods of digital diplomacy, methods of digital diplomacy, foreign policy, social networks, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

For citation: Sinchuk, Yu. V., Vlasov, B. E., Ogurtsov, A. E. (2022). Digital diplomacy as a tool of foreign policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 52–61. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

ВВЕДЕНИЕ

Формирование современного цифрового поля ускорило темпы развития глобализации во всем мире, стирая границы между континентами. Концепция «мягкой силы», фокусируемая исключительно на невоенной активности, претерпевает видоизменения [Публичная дипломатия: теория и практика, 2019]. Внедрение цифровых технологий в области публичной дипломатии имеет как положительный эффект, так и возможные риски и угрозы использования цифровых платформ.

Понятия «цифровая дипломатия», «дипломатия социальных сетей», «интернет-дипломатия» впервые были использованы в рамках внешнеполитических взаимоотношений США. Если анализировать эти термины детальнее, то они предполагают открытое и широкое использование разных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Интернете для установления контакта с целевой аудиторией согласно проблемам, связанным с внешней политикой государства [Цветкова, 2011].

Е. С. Зиновьева определяет термин «цифровая дипломатия» как одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения [Зиновьева, 2013].

На современном этапе можно наблюдать как интернет-платформы всё активнее применяются в качестве инструмента общественно-политической пропаганды. И их главным преимуществом является не только ведение диалога с обществом. Взаимодействие первых лиц стран и различных ведомств, отвечающих за внешнеполитическую деятельность, с помощью Интернета получает огромное влияние и, бесспорно, демонстрирует новейшие возможности коммуникации. На современном этапе результативными методами взаимодействия с электоратом считаются проведение интернет-дебатов в прямом эфире, обращение к интернет-пользователям напрямую.

Цифровая модель дипломатии постоянно развивается и совершенствуется. Если раньше дипломаты коммуницировали с населением при помощи различных печатных изданий либо общественных встреч, то сегодня взаимодействие допустимо также и в Интернете, в интерактивном и зачастую неофициальном стиле, что дает возможность незамедлительно доносить сведения и определять повестку дня. Необходимо отметить, что модель цифровой дипломатии почти самостоятельна от интернациональных нормативно-правовых актов, в том числе и от Венской конвенции дипломатических взаимоотношений. Согласно данному фактору,

цифровая дипломатия способна формировать собственные личные направленности, более свободное и неформальное общение. Однако внешнеполитические ведомства формируют указания, которые обозначают работникам границы дозволенного. Так как единственный неправильный либо неясный, согласно собственной формулировке, «пост» способен не только спровоцировать отрицательную реакцию и шквал критики, но и вызвать неустойчивую мировую и финансовую обстановку (<https://medium.com>).

Огромные возможности для дипломатии заключаются в формировании многостороннего партнерства, взаимодействия, коммуникации, извлечения данных и их обмена. В связи с этим становится актуальным вопрос приспособления министерства иностранных дел к новейшим каналам связи, а также коммуникации в сфере информационно-коммуникационной технологии (Information and Communication Technologies).

Отделения политических ведомств, ответственных за инновационные информационные технологические процессы, станут главными элементами стратегического планирования, а в скором времени возникнут новейшие форматы цифрового внутреннего и внешнего дипломатического общения, что повлечет за собой ужесточение требований к качеству информационной культуры [Цветкова, 2011].

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Периодом появления цифровой дипломатии как инструмента информационного влияния считается первый срок экс-государственного секретаря США Х. Клинтон. В тот момент стало понятно, что соцсети предоставляют возможность коммуницировать с большими массами людей вне зависимости от нации и их места нахождения. Главной задачей этого аспекта является создание позитивного имиджа страны за ее границами, и, кроме того, обеспечение международной безопасности по каналам цифровой дипломатии [Зиновьева, 2013].

Цифры и факты говорят об эффективности работы Х. Клинтон, которая с помощью методов цифровой дипломатии смогла значительно увеличить число подписчиков на официальной страничке Госдепа.

В тот период времени число учетных записей, которое находилось под ведомством Государственного департамента США, составляло около 20 млн. В 2010–2011 гг. были сформулированы задачи цифровой дипломатии, которые стали

основополагающими в реализации политики США в мире, через взаимодействие с другими акторами международных отношений, в целях достижения своих национальных интересов. В опубликованных официальных документах, в частности, в таком как «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром», отмечается, что дискредитация и деморализация соперника находились в сфере основных задач [Най, 2006]. Так, в мировом медиапространстве США ставили задачи: ограничение китайского влияния в Интернете, дискредитация российских медиа на территории СНГ и ограничение внешней культурной политики Ирана.

Чуть позднее в 2011–2013 гг. в информационном поле благодаря «Стратегическому плану развития информационных технологий в 2011–2013 гг.: цифровая дипломатия» [Ross, 2011], стали появляться новые термины и понятия, которые легли в основу современной цифровой дипломатии США. Как следствие документа Росса, понятийный аппарат и методология ведения цифровой дипломатии, а также ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий и популяризация соцсетей позволили Госдепу США создать отдел, занимающийся исключительно этой областью.

Область применения цифровых технологий растет с колоссальной скоростью. Сегодня нет практически ни одной сферы деятельности, где бы не были применены цифровые технологии, тем не менее – сфере коммуникации. Способы передачи информации совершенствуются с каждым годом, а коммуникационные устройства преодолевают самые смелые ожидания. Бум социальных сетей неотъемлемо влияет на повседневную жизнь миллионов людей и непосредственно на традиционно консервативную сферу – международные отношения, закрепив эти изменения во внешней политике. Появилась новая область, в которой правительства напрямую взаимодействуют с общественностью за рубежом при помощи социальных сетей.

В настоящее время цифровая дипломатия стратегическая составляющая «мягкой силы» государства. В инструментарии цифровой дипломатии находятся всевозможные ресурсы Интернета, со всеми вытекающими отсюда переменными, позволяющими пользователю самостоятельно видоизменять способ взаимодействия с аудиторией (веб-сайты, форумы, социальные сети, подкасты, интернет-СМИ и др.). Все эти способы взаимодействия позволяют внедрять нужную актору «правильную» идеологию.

Эволюция цифровых технологий последнего десятилетия свидетельствует о глобальных изменениях цивилизационного развития человечества.

В процессе исследования были применены научные методы: конкретно-исторический, логический, деятельностный. Ввиду специфики проблемы в разработку темы реализации цифровой дипломатии большой вклад внесли ивент- и контент-анализ, которые позволили изучить деятельность органов власти, ответственных лиц и других акторов, а также документы в сфере цифровой дипломатии различных государств. Качественно проанализировать все аспекты цифровой и традиционной дипломатии позволил метод SWOT-анализа, матрица которого отобразила все ее сильные и слабые стороны.

Вопросы в повестке дня кибердипломатии включают кибербезопасность, киберпреступность, укрепление доверия, право на свободное выражение мнения в Интернете, свободу СМИ и управление Интернетом. Таким образом, кибердипломатия полностью или частично осуществляется дипломатами, встречающимися в двусторонних форматах (например диалог США и Китая) или на многосторонних форумах (ООН). Помимо традиционных приемов, дипломаты взаимодействуют с различными негосударственными субъектами: руководителями интернет-компаний (Facebook или Google), технологическими предпринимателями или организациями гражданского общества. Сегодня дипломатия посредством современных технологий может влиять на результаты волеизъявления. Это определяет деятельность кибердипломатии как международного института. Мы исключаем из нашего определения «цифровая дипломатия» более техническое взаимодействие между отраслевыми министерствами (например, юстиции, телекоммуникаций, экономики) или официальными агентствами (например, группы реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации) из разных стран. Необходимо отличать чисто дипломатические действия от действий между государственными ведомствами и учреждениями, взаимодействия, которые предшествовали дипломатическим, но первостепенной задачей которых являлись решение технических, а не политических вопросов.

В цифровой дипломатии существует определенная «серая зона», где некоторые действия могут дополняться или комбинироваться. Эта «серая зона» на практике приводит к некоторой напряженности между национальными заинтересованными сторонами по вопросам компетенции и представительства.

В контексте традиционной дипломатической деятельности, в том числе в консульских целях, используются новые технологии и социальные сети (Хокинг и Мелиссен, 2015; Сандре, 2015;

Сейб, 2016). По словам Тома Флетчера, цифровая (электронная) дипломатия (англ. digital diplomacy, e-diplomacy) официально появилась 4 февраля 1994 г., когда экс-премьер-министр Швеции Карл Бильдт отправил первое дипломатическое электронное письмо президенту США Биллу Клинтону, поздравляя его с отменой эмбарго против Вьетнама.

В современной действительности человечество достигло уровня искусственного интеллекта, позволяющего аккумулировать и анализировать Big data – информацию, полученную от огромного количества пользователей (это и анализ хештегов, и оценка реакции пользователей, и выявление ключевых блогеров, и анализ содержания постов и комментариев и т. д.). При этом для подготовки постов и контрмесседжей всё чаще применяются боты как механизм реагирования на негативную информацию.

Еще не так давно, в 2000-х годах привлечение целевой аудитории, сбор новых пользователей соцсетей осуществлялся посредством диалога или убеждения, на интернет-вещание переходили радио- и телеканалы, государственные ведомства и политики заводили аккаунты и создавали веб-страницы.

В современных же условиях речь идет о проведении полномасштабных информационных кампаний, которые подразумевают имплементацию (англ. *to implement* – *претворять в жизнь*) – реализацию на практике, претворение в жизнь какой-либо теории, договора, закона, идеи, концепции «острой силы» (форма внешнеполитической деятельности, предполагающая использование средств манипулирования общественным мнением в других государствах и направленная на подрыв их политических систем) и использование методики Big data в целях детального исследования аудитории соцсетей, получения необходимых сведений о взаимоотношениях между владельцами аккаунтов, групп, сообществами, о политических пристрастиях людей и, на основе анализа, создание целевых аудиторий по интересам, геолокации, возрасту и прочим метрикам, и дальнейшее влияние на них, использование в своих интересах.

Социальные сети YouTube, Twitter и Facebook являются наиболее ангажированными в мировой политике и способными оказывать влияние на политическую карту мира

Определяя момент зарождения цифровой дипломатии, можно сделать вывод, что подъем этого явления начался в январе 2009 г. Понятие «информационная война» стало нарративом «кибервойн», упуская из виду тот факт, что кибервойна направлена больше на дестабилизацию технического

и программного обеспечения и является частью информационной войны, которая имеет более широкий смысл.

Риски повсеместного распространения различных каналов связи – сети: экстремизм и терроризм, навязывание диссидентской идеологии и внешнеполитической пропаганды, кибервойны.

Целью деятельности террористических организаций в медиасетях является захват умов молодых людей, учитывая доступность и популярность социальных сетей в молодежной среде. По этой причине уже с начала прошлого десятилетия в России возникла необходимость создания государственных программ кибернетической безопасности, в том числе и на социальных платформах (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-veb-2-0-kak-feysbuk-i-sotsseti-menyayut-mirovuyu/>).

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИИ

С июня 2012 г. тема цифровизации предприятий и государственных структур стала одной из важнейших стратегического развития России. Цифровая дипломатия представляется эффективным инструментом ведения не только «мягкой силы», но и информационной войны.

Президент РФ В. В. Путин на совещании в МИД РФ призвал действующих дипломатов активно использовать современные технологии ведения публичной дипломатии с целью освещения позиции государства по приоритетным вопросам и задачам, «разъяснять наши позиции, на разных платформах и с использованием новых технологий, пока не дойдет».

Первыми онлайн-платформами Интернета в РФ стали зарубежные социальные сети:

- 1999 г. – платформа LiveJournal.com,
- 2006 г. – социальная сеть Twitter и социальные платформы «ВКонтакте», аналог Facebook, «Одноклассники» и Instagram.

В 2002 г. государственные и муниципальные структуры РФ начали осваивать интернет-пространство, тогда же и был разботан первый сайт Президента РФ и президентский блог. Позднее президентский аккаунт был зарегистрирован в Twitter и на его китайском аналоге WEIBO. Все государственные и муниципальные ведомства, а также другие органы власти РФ имеют свое собственное медиапространство в Интернете. МИД РФ активно реализует свои планы по информированию приоритетов внешней политики посредством «твитдипломатии», которая интегрирована в цифровую систему.

На фоне цифровой дипломатии были запущены первые информационные сайты МИДа России в YouTube, «Твиттере» и «Фейсбуке», активизировалось проведение интервью, прессконференций, выступлений и брифингов руководителей министерства. В социальных сетях и на медиаплощадках происходило наполнение соответствующих аккаунтов, в частности, размещение на ведомственном канале МИД РФ в You Tube, который набирал многотысячные просмотры. На сайте «Россия сегодня» был запущен проект, который включал в себя развертывание блогов, освещающих определенные темы телеканала RT.

На нескольких социальных платформах был представлен МИД РФ как самый популярный аккаунт в Twitter (@MID_RF), который собрал 1,3 млн читателей, канал YouTube – 27 тыс. подписчиков, Facebook – 439 тыс. К 2019 г. социальными платформами и Интернетом (Facebook и Twitter) стало пользоваться 83,2 % россиян. В рейтинге «Цифровой дипломатии» (Digital Diplomacy Index) Россия вышла на восьмую строчку (<https://medium.com>)

При этом со стороны западных агентств в сфере медиапространства Россия всегда испытала и испытывает существенное давление, которое в первую очередь направлено на дестабилизацию и подрыв кредита доверия к нашей стране как международному актору. Против РФ в цифровом медиапространстве используются электронные ресурсы и цифровые платформы для дезинформации в совершенно разных сферах деятельности от энергетической до политической. Поэтому дипломатические ведомства РФ должны рационально и своевременно задействовать возможности цифровой дипломатии для предотвращения подобных прецедентов с целью формирования позитивного имиджа государства за рубежом.

В современном мире в цифровых технологиях произошли существенные изменения – подача информации осуществляется как с использованием традиционных методик, через СМИ (периодические издания, телевидение и радио), так и широко используются цифровые источники, не являющиеся официально зарегистрированными средствами массовой информации, но имеющие важное значение в формировании общественного мнения. Вопросы внешней политики заняли особое место среди самых востребованных тем.

С появлением личных блогов, «живых журналов», интернет-сайтов и социальных сетей открылись новые площадки, расширился охват акторов различных масштабов, включая президентов крупнейших государств и домохозяек, бизнесменов и правозащитников.

Жизнь современного общества неразрывно связана с социальными сетями – структурой, основанной на контактах индивидов между собой, обмене разнообразной информацией. Пользование социальной сетью стало привычным явлением не только для граждан, но и для дипломатов и политических деятелей. Появилась возможность в онлайн-режиме следить за изменениями международных политических событий, комментировать их, анализируя ситуацию в каждом конкретном случае, создавать позитивный имидж своего государства за рубежом и наблюдать в количественных показателях мнение пользователей. Значительный рост пользования Интернетом и социальными сетями (онлайн-работа, учеба, конференции, совещания, развлечения и т. д.) отмечен в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, на внешнюю политику России и других стран мира в последние годы огромное влияние оказывают цифровые технологии. Социальные сети для обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса, SMS, средств мгновенного обмена или сторонних программ-клиентов для пользователей Интернета любого возраста стали инновационными инструментами публичной дипломатии и изменили форму восприятия дипломатических процессов.

ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Между цифровой дипломатией и социальными сетями в современном мире существует неразрывная связь. Электронная дипломатия в отрыве от социальных сетей всё равно, что корабль без моря. Безусловно, уровень цифровой дипломатии зависит от степени развития цифровых технологий в регионе, что, в свою очередь, влияет на общественное мнение, принимающее и непринимаящее ценности, которые несет цифровая дипломатия.

Обеспечение безопасности нашей страны требует усиления государственного регулирования интернет-сферы и контроля над социальными площадками, что, безусловно, спровоцирует появление ограничений, но позволит внедрить средства цифровой дипломатии в практику (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-veb-2-0-kak-feysbuk-i-sotsseti-menyayut-mirovuyu/>).

Во всем мире социальные сети получили признание общественности, поскольку главным критерием их популярности стала доступность. Новые медиа позволяют общественности общаться в неформальной обстановке. Социальные платформы в Интернете занимают особое место в политике

«мягкой силы» и проведения цифровой дипломатии. Ярким примером подобной платформы стал TikTok. Алгоритмы приложения подстраиваются под предпочтения пользователя на основе затраченного на просмотр времени, поставленным «лайкам», переходам на другие страницы пользователей. На основе анализа данных пользователя строится его модель предпочтений и создается «уникальная реальность индивида» – информационный вакуум [Синчук, Каширина 2021, с. 87].

Активное финансирование разработки цифровых продуктов с использованием искусственного интеллекта выдвинет цифровую дипломатию на новый уровень. Уровень прогнозирования предпочтений пользователя на примере TikTok вырастет многократно, что позволит в дальнейшем сформировать идеи для повышения имиджа государства [Лебедева, 2021; Най, 2006]. Стремление к модернизации инструментов, подразумевает под термином «цифровая дипломатия» значительно больше, чем просто использование социальных сетей в политических и дипломатических целях. В современном мире цифровая дипломатия – значимое и мощное явление достижений внешней политики, которое меняет мировую политику.

Разные сферы жизни меняются благодаря новым технологиям. Так, для современного политика обязательным условием является наличие страницы в социальных сетях, способствующей его прямой коммуникации со своими избирателями и внешним миром. Во внешнеполитической сфере технологические новшества также завоевывают свое место. Дипломатические ведомства стран мира внедряют в свою деятельность цифровые технологии: расширяют присутствие в социальных сетях; посредством специализированных программ проводят анализ высказываний пользователей на разные темы. Использование социальных сетей в целях продвижения государственных и муниципальных учреждений, кандидатов и других политических акторов явление далеко не новое. Например, согласно исследованию Twiplomacy 2018 г., 97 % государств – членов ООН официально присутствуют в Twitter [Карпович, Троянский 2020].

С приходом цифровой дипломатии появились новые формы ее реализации. Так, например, в США электронная дипломатия используется сразу в нескольких ведомствах для продвижения внешней политики и позиции государства на мировой арене. В Дании существует должность «цифровой посол», который от имени государства действует в киберпространстве. В последние годы другие страны также активно использовали цифровую дипломатию. Деятельность премьер-министра

Индии Нарендры Моды в социальных сетях стала образцом эффективной цифровой дипломатии. Использование механизмов цифровой дипломатии позволяет расширить личностные возможности политического актора и повысить эффективность управления. Так, например, подключив ресурсы веб-дизайна, сайты правительств Южной Кореи и Индии смогли эффективно использовать возможности Интернета для автоматизации обращения граждан.

Цифровая деятельность в области дипломатии и обмена между людьми также может оказывать давление на международные отношения. В Северо-Восточной Азии, например в Японии, Южной Корее и Китае, использование социальных сетей в политике было связано с распространением ненавистнических высказываний и официальных нарративов, направленных на ослабление региональных соперников.

Проблема возникновения пандемии COVID-19 привнесла значительные новшества в цифровую дипломатию, в том числе было немало примеров участия социальных медиа в международных дебатах, постоянные обмены негативными сообщениями на цифровых платформах в период кризиса эболы между представителями госструктур США, представителями ВОЗ и «Врачи без границ».

По словам бывшего госсекретаря США Джона Керри, вовлечение и использование цифровых сетей в публичной дипломатии становится всё более необходимым, что позволяет утверждать о цифровом измерении как об основе электронной дипломатии. Вместе с этим появляются всё новые угрозы использования цифровых платформ в этих целях, так как нормы дипломатического поведения часто игнорируются. Акцент на сдерживание и реагирование глубоко укоренился в представлениях о национальной безопасности. Показательно, что Закон о кибердипломатии в его нынешней редакции призывает Государственный департамент «возглавить усилия правительства Соединенных Штатов по созданию глобальной системы сдерживания злонамеренной киберактивности; разрабатывать и реализовывать специфичные для противника стратегии, чтобы влиять на принятие противником решений посредством наложения затрат и стратегий сдерживания; способствовать наращиванию иностранного потенциала для защиты Глобальной сети с целью обеспечения участия единомышленников в механизмах сдерживания».

Хотя сдерживание как стратегический подход применимо к физическим областям конфликта и налагает пропорциональные издержки за потенциальные кибератаки, которые приводят к гибели людей и разрушениям, оно не может остановить

натиск киберагрессии ниже уровня вооруженного конфликта. Планируемые вторжения и нарушения вокруг «красных линий» определяются после того, как вторжения и нарушения уже совершены. Такие «красные линии» в киберпространстве трудно определить и на них трудно реагировать, в то время как противник устанавливают время, темп и условия соревнования. Но коллективные усилия способны препятствовать агрессии в киберпространстве до того, как будет нанесен ущерб народам.

Что дестабилизирует, так это сдержанность перед лицом непрерывных расследований и вторжений, которые по отдельности могут быть тривиальными, но в совокупности меняют глобальное распределение власти и влияния, создавая новые нормы, противоречащие нашим интересам. Кибердипломатия мобилизует партнеров на реагирование, предотвращение и ослабление неправомерного поведения противника.

На саммите 2015 г., когда лидер Китая Си Цзиньпин и президент Тайваня Ма Инцзю встретились ради демонстрации мира традиционно пожать руки, китайские хакеры вторглись в тайваньский Facebook. Также ярким примером негативного использования социальных платформ являются выпады в сторону РФ со стороны Запада [Карпович, Троянский 2020].

Кроме того, угроза внедрения цифровой дипломатии в социальные сети заключается в том, что террористические группы используют эти сети как платформу для распространения своих официальных позиций, в качестве примера запрещенная в России группировка «Исламское государство» после терактов в Париже в 2015 г. публично заявила в Twitter, что берет на себя ответственность за теракты.

Вызовы и угрозы цифровой дипломатии в глобальном масштабе заключаются в разделении сферы информации, дезориентации национальной составляющей в информационном поле, отделение национального от регионального.

2021 г. уже стал знаменательным для проблем кибербезопасности как по масштабу, так и по сложности крупных атак, что свидетельствует о необходимости более активного участия стран в установлении и соблюдении ожиданий ответственного поведения для обеспечения безопасности и стабильности в Интернете. Международная кибербезопасность не может продвигаться вперед только на основе диалога между ограниченным числом передовых кибердержав. Во взаимосвязанном мире в целях всеобщей безопасности ответственность за установление и соблюдением международных обязательств возлагается на все государства.

Необходимо демистифицировать эту новую область дипломатии и предоставить дорожную карту для стран, развивающих свой собственный потенциал кибердипломатии. Когда дело доходит до этой области человеческой деятельности и конфликтов – киберпространства – знание того, как структурировать дипломатические обязанности и в каких форумах участвовать с ограниченными ресурсами, может быть сложной задачей. Действительно, это новая дипломатическая сфера, в которой все государства только учатся ориентироваться, и единого подхода для всех не существует. Однако, хотя серебряной пули может и не быть, в последние годы появилось множество передовых практик и моделей, которые правительства могут и должны изучить и принять.

С момента вступления в силу Соглашения о технологиях кибербезопасности в 2018 году был проведен ряд многосторонних форумов по кибердипломатии, в том числе в ООН, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Глобальный форум по киберэкспертизе (GFCE), Форум по управлению Интернетом (IGF) и др. Перспективными задачами были указаны следующие:

- взаимодействие напрямую со многими представителями первого поколения кибердипломатов из разных стран мира;
- создать или усовершенствовать, основываясь на имеющемся опыте, свой собственный потенциал кибердипломатии.

Преодоление так называемого цифрового разрыва необходимо для построения инклюзивной глобальной экономики, вовлечение всех стран в переговоры по кибердипломатии необходимо для построения безопасного, справедливого и уважающего права онлайн-мира, отражающего разнообразие интересов и потребностей. Государства, не обладающие необходимой дипломатической силой в этих вопросах, рискуют остаться в стороне от важных соглашений или принять их как свершившийся факт. Более того, многие международные соглашения о кибербезопасности требуют от соответствующих стран принятия мер и выполнения обязательств, требующих координации.

Программы цифровой дипломатии Соединенных Штатов несут в себе угрозу дестабилизации безопасности на глобальном уровне, поскольку каждое продвижение к целям своих национальных интересов разрушает баланс сил на международной арене, что, безусловно, вызывает ответную реакцию у других акторов международных отношений и превращает цифровую дипломатию в инструмент информационной войны (<https://nicbar.ru/politology/study/56-kurs>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровые ресурсы должны рассматриваться как дополнительная форма осуществления публичной дипломатии. Внешнеполитические ведомства и международные организации, используя цифровую дипломатию, смогут удовлетворить свои глобальные потребности. Одна из задач дипломатии – это разъяснение. Ссылаясь на слова С. В. Лаврова «...без социальных сетей сейчас ни одна профессия не может обойтись, а дипломатия тем более» (<https://russiancouncil.ru/analytics-andomments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vcherei-segodnya/>).

Публичная дипломатия способствует росту имиджа страны, ее культурному присутствию в других странах, что проецирует предполагаемый образ нации и способствует достижению высокого доверия и взаимопонимания между государствами.

Эффективная кибердипломатия начинается с осознания правительством того, что эти вопросы оказывают глубокое влияние не только на международную киберстабильность, но и на экономику, торговлю и другие международные обязательства. В повестке дня внешней политики должны быть четко сформулированы основные направления деятельности правительства, а также указаны

долгосрочные цели международного сотрудничества.

Кибердипломатия должна соответствовать внутренней и внешней политике страны, которая достигается путем согласования национальной правовой базы и политики с международными обязательствами, а также координации ее внутреннего подхода к кибербезопасности с ее международными усилиями.

Правительствам необходимо развивать дополнительные компетенции и навыки, ориентированные на вопросы кибербезопасности, в дополнение к традиционным методам и процессам дипломатии и торговли.

Малые государства и развивающиеся экономики должны учитывать технические знания и ресурсы для решения вопросов по крупным и сложным проблемам глобального управления.

Учитывая множество двусторонних, региональных, многосторонних и частных сетей, в которых осуществляется кибердипломатия, государства должны стремиться к достижению внешнеполитических целей, корректировки своих возможностей в области кибердипломатии. Государства должны взять на себя обязательство применять международное право к киберпространству и внедрять существующие инструменты для борьбы с киберпреступностью и другими угрозами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2019.
2. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. США и Канада // Экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.
3. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс Безопасности. 2013. № 1 (104). С. 213–229.
4. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск ; М. : Тренды, 2006.
5. Ross A. Digital Diplomacy and US Foreign Policy // The Hague Journal of Diplomacy. 2011. № 3–4. Vol. 6. P. 451–455.
6. Синчук Ю. В., Каширина Т. В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии // Журнал политических исследований. 2021. № 2. С. 87–101.
7. Лебедева О. В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 2021. № 5. С. 102–111.
8. Карпович О. Г, Троянский Г. М. Цифровая дипломатия. Особенности использования цифровой дипломатии иностранными внешнеполитическими ведомствами и международными организациями // Дипломатическая служба. 2020. № 4. С. 99–105.

REFERENCES

1. Publichnaya diplomatiya: Theory and practice = Teoriya i praktika. ed. M. M. Lebedevoy. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2019. (In Russ.)

2. Cvetkova, N. A. (2011). Web 2.0 programs in US Public Diplomacy. USA And Canada: economy, politics, culture = Programmy Web 2.0 v publichnoy diplomatii SSHA. SSHA I Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 3, 109–122. (In Russ.)
3. Zinov'eva, E. S. (2013). US Digital Diplomacy: Opportunities and threats to international security = Cifrovaya diplomatiya SSHA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoj bezopasnosti. Indeks Bezopasnosti, 1(104), 213–229.
4. Naj, D. S. (2006). Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike. Novosibirsk ; Moscow: Trendy.
5. Ross, A. (2011). Digital Diplomacy and US Foreign Policy. The Hague Journal of Diplomacy, 6(3–4), 451–455.
6. Sinchuk, Yu. V., Kashirina, T. V. (2021). Prospects and opportunities of digital diplomacy = Perspektivy i vozmozhnosti cifrovoj diplomatii. Zhurnal politicheskikh issledovaniy, 2, 87–101.
7. Lebedeva, O. V. (2021). Modern tools of «digital diplomacy» as the most important element of «soft power» = Sovremennye instrumenty «cifrovoj diplomatii» kak vazhnejshij element «myagkoj sily». Mezhdunarodnaya zhizn', 5, 102–111.
8. Karpovich, O. G., Troyanskij, G. M. (2020). Digital diplomacy. Features of the use of digital diplomacy by foreign foreign ministries and international organizations = Cifrovaya diplomatiya. Osobennosti ispol'zovaniya cifrovoj diplomatii inostrannymi vneshnepoliticheskimi vedomstvami i mezhdunarodnymi organizაციyami, Diplomaticheskaya sluzhba, 4, 99–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синчук Юрий Владимирович

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Власов Борис Евгеньевич

кандидат юридических наук
начальник кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

Огурцов Александр Евгеньевич

кандидат юридических наук
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sinchuk Yuri Vladimirovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of the Department of Theory and History of International Relations
Moscow State Linguistic University
Professor of Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vlasov Boris Evgenievich

PhD (Law)
Head of the Theory and Methodology Department of Public Administration
Management Academy of the Ministry of Internal Affairs

Ogurtsov Alexander Evgenievich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Operational-Investigative Activities
Management Academy of the Ministry of Internal Affairs

Статья поступила в редакцию 05.07.2022
одобрена после рецензирования 03.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 05.07.2022
approved after reviewing 03.10.2022
accepted for publication 20.10.2022